

Е. А. Марков

ВЛАСТЬ И СМИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье предпринята попытка дать ответ на вопрос: имеются ли в России условия для деятельности СМИ в качестве объективных и достоверных источников информирования в системе «власть — общество»? Или СМИ в России — это всего лишь заурядные инструменты политического воздействия со стороны институтов власти на граждан и общество?

Ключевые слова: средства массовой информации, политическая зависимость СМИ, экономическая зависимость СМИ, роль СМИ в системе «государство — общество».

Е. Markov

THE POWER AND MASS MEDIA IN RUSSIA: THE HISTORY OF INTERACTION

An attempt is made to answer the question if there are conditions in Russia for mass media operating as objective and reliable sources of informing in the system «power — society». Or are the media in Russia just ordinary tools of political influence of institutes of power on the citizens and society?

Keywords: mass media, political dependence of mass media, the role of mass media in the system «state — society»

«Для того, чтобы управлять прессой, нужны хлыст и шпоры...» [1, с. 164].

«...Поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины» [4, с. 105].

Какие функции выполняют СМИ в современной России? Насколько велико их влияние в обществе? Как складывались их взаимоотношения с властью и какими эти взаимоотношения являются сегодня? Начиная размышлять над этими вопросами, приходишь к мысли, что еще никогда наши СМИ не играли такой незначительной по влиянию роли в обществе, какую они играют сегодня.

Но в чем истоки такого положения? На наш взгляд, оно имеет глубокие исторические корни. Дело в том, что условия деятельности газет и журналов в дореволюционной России, СМИ в СССР, а затем в современной России всегда в значительной степени определяло государство. Собст-

венно, и газеты в России появились благодаря царю Петру I, который основал в 1702 г. первую официальную российскую газету «Ведомости». К примеру, в Англии первая газета (она называлась «Уикли ньюс») появилась еще в 1622 г., за 80 лет до выхода российских «Ведомостей».

Начиная со времен Петра I, государство регулировало и развивало печатное и книжное дело, проводило определенную информационную политику, способствовало просвещению, развитию самих средств массовой информации. А в СССР именно государство, реализовав политику всеобщей грамотности и обязательного образования, воспитало у широких слоев населения привычку выписывать и читать газеты,

книги, журналы. Тем более что государство в советское время оплачивало деятельность СМИ и дотирировало за счет низких цен на бумагу и полиграфические расходы производство газет, журналов и книг. Государственное влияние сохраняется в России и до сих пор. Государство продолжает оставаться крупнейшим собственником производственных мощностей, системы СМИ, занимается распределением и продажей частотного ресурса для электронных СМИ и т. д.

Россия долго и мучительно шла к осознанию и восприятию ценностей гражданских свобод, значительно отставая в этом процессе от старых западных демократий. Английский поэт Джон Мильтон еще в 1644 г. произнес свою знаменитую речь «Ареопагитика» в английском парламенте, в которой он отстаивал свободу печатного слова: «Истина сильна сама по себе, подобно Всемогущему; чтобы победить, она не нуждается ни в уловках, ни в военных хитростях, ни в цензуре; все это только укрепления и орудия защиты, употребляемые против нее заблуждением: дайте ей только простор и не связывайте ее во время сна...» [1, с. 221]. В то же время Мильтон понимал, что абсолютной свободы слова в условиях существования государства быть не может: «Мы не мечтаем о такого рода свободе, при которой в государстве никогда уже не являлось бы никаких затруднений: этого никто и ждать не может, но когда неудовольствия свободно выслушиваются, внимательно рассматриваются и быстро удовлетворяются, тогда достигается крайняя граница гражданской свободы, какой только может пожелать благоразумный человек» [8, с. 58]. Приводимые здесь слова были произнесены Джоном Мильтоном еще за 50 лет до установления свободы книгопечатания в самой Англии.

Во Франции слова об установлении свободы слова, необходимости отмены цензуры прозвучали во времена Великой французской революции. Максимильтен Робес-

пьер, один из ее деятелей, руководитель правительства якобинцев, 11 мая 1791 г. произнес речь в якобинском клубе, в которой всесторонне и полно охарактеризовал право на свободу слова как одну из главных ценностей человеческого общества [1, с. 228–230]. По мнению Робеспьера, законы — это свободное выражение всеобщей воли, согласованное с правами и интересами нации. В этой «всеобщей воле» каждый гражданин имеет свою долю и свой интерес [11, с. 14].

Английский философ-материалист, предшественник французского материализма и утопического социализма Джон Локк также отмечал, что «никого не следует заставлять отказаться от своего мнения или сменить его на противоположное, потому что на деле такое насилие не достигает цели, ради которой его применили. Оно не может изменить образа мыслей людей и способно лишь сделать их лицемерами» [7, с. 66]. Однако тот же Локк, основатель доктрины либерализма, считал справедливым запрет на публикацию тех сведений и мнений, которые направлены на подрыв власти правительства, ибо тогда они подпадают под его ведение и юрисдикцию [7, с. 73].

Необходимость в появлении цензуры возникла в XV в. в Западной Европе из-за непрекращающихся конфликтов на религиозной почве. Первые цензоры — церковники — должны были пресекать распространение идей, противоречащих официальной доктрине. Цензура должна была обеспечить общественную консолидацию, поскольку и само возникновение религии — это «одно из первых проявлений коллективного инстинкта человечества по самосохранению <...> первые религиозные учения основывались на выработке жестко проводимой системы табу, ограничивающей внутривидовое самоуничтожение» [13, с. 72]. Религиозные ограничения, с одной стороны, позволили уменьшить человеческую иррациональность в границах опре-

деленных групп, с другой стороны, религия породила рознь на почве веры и стала причиной многих войн. И в том числе религия, защищая церковные догмы и постулаты, основала цензуру.

Но если печать для России стала импортным продуктом, то цензура в самом крайнем ее виде (тотальная) — изобретение чисто русское. Она действовала задолго до появления периодической печати, еще во времена царя Алексея Михайловича, когда первые инакомыслящие, противники исправления церковных обрядов и книг, стали жертвами идеологического и физического притеснения. Это не могло не сыграть крайне отрицательной роли для последующего развития общества. Еще не раз торжествующее большинство по самым разным идеологическим основаниям будет унижать и преследовать тех, кто не разделяет его убеждений, кто стремится к собственным умозаключениям, отражающим процесс общественного развития.

И все же цензура (которую надо понимать не только как систему государственного надзора за распространяемой информацией, но и как государственное ведомство) не была последовательной, раз и навсегда установленной. Менялись императоры, менялось или, точнее, изменялось отношение к цензуре, что проявлялось в проводимой политике. Как точно сказано народом: новая метла метет по-новому! Каждый новый император или смягчал жесткие правовые акты и вводил более либеральные нормы, или, наоборот, ужесточал акты о печати. Государство не упускало из поля своего зрения процессы производства и распространения информации.

Петр I (время царствования — 1689–1725 гг.) основал первую русскую газету «Ведомости», для которой даже сам писал заметки. Идею выпуска газеты он привез из Голландии во время ознакомительной поездки по Европе. Царь Петр способствовал и развитию печатного дела, которым пона-

чалу занимались все те же голландцы (Иван Тесенг), получившие право издания печатной продукции на русском языке и продажи ее в России.

Во время царствования Петра II (1727–1730 гг.) открываются государственные типографии при Сенате и Академии наук, право печатания церковной литературы имеет только Синод. Финансовый контроль за деятельностью типографий ведется Верховным тайным советом.

Императрица Анна Иоанновна (1730–1740 гг.) утвердила решения Сената о запрещении ввоза в Россию иностранных книг и контроле за церковными книгами, издающимися на языках народов России.

Во время царствования императрицы Елизаветы (1741–1761 гг.) был издан Указ от 9 декабря 1743 г., запрещавший ввоз в страну книг, отпечатанных за рубежом на русском языке, а все церковные книги подлежали обязательному одобрению святейшего Синода. Таким образом, государственный контроль за изданием и распространением книг был ужесточен и окончательно сформирован институт церковной цензуры.

При Екатерине II (1762–1796 гг.) открываются первые частные типографии, на что было дано высочайшее соизволение, и появляется частная пресса. Иностранец Иоганн Гартунг получил право завести типографию и печатать книги на иностранных языках, Вейтбрехт и Шнор получили разрешение печатать книги и разные объявления на всех языках, но надзор за выпуском духовных книг осуществлял в обязательном порядке святейший Синод, светских — Академия наук, объявлений — Главная полиция. В 1783 г. своим Указом от 15 января 1783 г. Екатерина II ввела новые послабления в книжном деле, разрешив «заводить типографии и печатать книги во всех городах империи, не требуя ни от кого разрешения, а только давая знать о заведении таковом». Но вместе с послаблениями сле-

довали и ужесточения, причиной которых могли служить самые неожиданные поводы, ослаблявшие, по мнению императрицы, государство. Екатерина внимательно следила за книжными пристрастиями и нравственностью своих подданных. В 1790 г. она издала именной Указ «О наказании коллежского советника Радищева за издание книги, наполненной вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской». Александр Радищев был приговорен к смертной казни за объявленный в Указе проступок. Но хорошее известие о заключении долгожданного мира с Швецией смягчило гнев царицы, и она сохранила жизнь Радищеву, лишив его чинов, наград и дворянского достоинства и сослав на 10 лет в Сибирь, в Илимский острог. Причиной императорского гнева были не только вредные умствования автора, «разрушающие покой общественный», но и обман цензуры. Радищев издал в своей типографии книгу, добавив листы дополнительно к тем, что были разрешены цензурой. Последним Указом императрицы, относившимся к книгопечатанию, был Указ от 16 сентября 1796 г., ограничивавший свободу книгопечатания и ввоза иностранных книг, запрещавший деятельность частных типографий и вводивший цензурные учреждения в ряде крупных городов России и на таможнях.

Институт цензуры в Российской империи в основном сформировался в период правления Павла I (1796–1801 гг.), и тому способствовали как внешние, так и внутренние причины. Революция во Франции представляла угрозу для царской России и могла своими идеями, по мнению царя и его окружения, взорвать изнутри огромную империю, в которой все еще существовал такой архаизм для просвещенной Европы, как крепостное право. Эти «вредные» революционные идеи конечно же разносила периодическая печать. В результате при

Павле I ввоз печатной продукции из-за границы был запрещен, а отечественные печать и книгоиздание находились под неусыпным оком тотальной цензуры, ставшей особым государственным институтом. Все поступающие из-за границы книги представлялись цензорам под страхом предания суду за неисполнение данного повеления. Кстати, под запрет попали даже опубликованные вне пределов Российской империи музыкальные сочинения.

Император Александр I (1801–1825 гг.) уже в начале своего царствования Указом от 31 марта 1801 г. установил либеральные послабления, отменил запрещение о ввозе из-за границы книг и музыкальных нот и вновь разрешил деятельность частных типографий. А в 1804 г. им был подписан новый юридический документ, регламентировавший деятельность в сфере печати — Устав о цензуре. Достоинством Устава было то, что он строго обозначал права и обязанности как сочинителей и издателей, так и должностных лиц — цензоров. Сам по себе новый документ был достаточно либеральным. Достаточно сказать, что цензурные комитеты были отданы в непосредственное ведение университетов и формировались из профессоров и магистров. Все сомнения в толковании текстов, дабы исключить пристрастное к ним отношение, толковались в пользу сочинителей. Кроме того, цензура не должна была задерживать рукописи, присылаемые на рассмотрение, в особенности периодические издания, чтобы не препятствовать их своевременному выходу в свет.

Царствование императора Николая I (1825–1855 гг.) началось с восстания декабристов. На основании современного взгляда на историю восстание декабристов можно трактовать как попытку представителей элиты российского общества изменить форму государственного устройства, заменив ее на более либеральную (трансформировав абсолютную монархию в кон-

ституционную или введя республиканскую форму правления). Можно сказать, что это была попытка части просвещенных представителей дворянства вывести Россию из пут тоталитаризма на путь демократических преобразований в соответствии с европейскими традициями. Николай I жестоко подавил восстание, расправившись с его участниками. Но поскольку многие из декабристов и сами принимали участие в производстве и распространении информации, являясь талантливыми поэтами, писателями, публицистами, царь постарался в максимальной степени ограничить свободу информационной деятельности в стране. В июне 1826 г. им был подписан Устав о цензуре, который его современники называли «чугунным». Отныне цензурированию подвергались вообще все книги, сочинения, географические и топографические карты, рисунки, чертежи, планы, картины, портреты и музыкальные ноты, издаваемые внутри государства. Главное управление цензуры находилось в ведении министра народного просвещения. Был утвержден также Верховный цензурный комитет, рассматривавший наиболее важные дела по цензуре и состоявший из трех министров: министра народного просвещения, министра внутренних дел и министра иностранных дел. Дабы исключить ошибки и застраховаться от случайностей (подобных проступку Александра Радищева), сочинители или авторы любого печатного произведения должны были предъявлять на рассмотрение цензоров сами рукописи, а не отпечатанные экземпляры своих сочинений. Содержатель типографии (издатель) обязан был представить в цензурный комитет отпечатанный экземпляр сочинения, который цензоры, проверявшие ранее поступившее сочинение, сравнивали с подлинником (рукописью). И только затем уже цензор, сравнивший печатный экземпляр с рукописью и не нашедший расхождений, давал сочинению свое письменное разре-

шение о выпуске сочинения. Через два года этот Устав был заменен новым, более либеральным. И тем не менее в эпоху царствования Николая I государство поощряло развитие печати в стране, инициировав открытие во всех губернских городах типографий. В 1837 г. на базе действующих губернских типографий стали выпускаться государственные газеты — «Ведомости».

Значительным событием в Российской империи стали реформы Александра II (1855–1881 гг.), в числе которых была проведена отмена предварительной цензуры для ряда государственных и частных общественно-политических изданий, если на то было желание самих издателей. Освобождались от предварительной цензуры все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов и все переводы объемом не менее 20 печатных листов. Освобожденные от предварительной цензуры издания подвергались в случае нарушения законов судебному преследованию. Важным положением реформы, проведенной Александром II, стало право каждого гражданина издавать газету или журнал, получив на то разрешение от Главного управления по делам печати. (О либеральности реформы свидетельствовал такой факт. Гражданин, начавший издавать какое-либо издание без получения установленного разрешения, подвергался наказанию в виде денежного взыскания, но не свыше 50 рублей за каждый номер или каждую статью.) Реформа в области периодики была проведена постепенно, в соответствии со Сводом уставов о цензуре 1857 г., Указами от 10 марта 1862 г. и 6 апреля 1865 г. и Мнением Государственного Совета. Главное управление цензуры было упразднено, надзор за деятельностью прессы передавался из Министерства просвещения в ведение Министерства внутренних дел, которое могло закрыть органы периодики только после трехкратного предупреждения редактора и издателя.

Но в 1886 г., во время царствования Александра III (1881–1894 гг.), права журналистов были вновь ограничены цензурными требованиями на основе нового Устава о цензуре, в значительной степени ограничившего права граждан в области периодической печати и книгоиздания мелочными цензурными требованиями, выполнить которые досконально было довольно сложно.

В начале XX в. в России царил жесточайший тотальный контроль за информационной деятельностью, что способствовало возникновению нелегальной прессы. Одной из важных, если не сказать главных, причин возникшего в 1905 г. социального взрыва стали информационные запреты и ограничения вкупе с политическими, военными провалами и ошибками в проведении Россией внутренней и внешней политики. Первой реакцией высших органов управления в результате общественных потрясений стали введенные послабления для прессы. В высочайшем Манифесте от 17 октября 1905 г. в первом пункте изложено: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». После опубликования Манифеста последовал высочайший Указ «О временных правилах повременных изданий» от 24 ноября 1905 г., закрепивший отмену предварительной (общей и духовной) цензуры, административные взыскания, налагаемые на издания. Ответственность за преступные деяния определялась отныне в судебном порядке в зависимости от степени тяжести проступка или денежным взысканием не свыше 300 рублей, или заключением в тюрьму от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев. В 1906 г., когда революционная ситуация в стране стала смягчаться, а социальные волнения (в особенности в столичных городах) пошли на убыль, передвинувшись в провинцию, император и правительство при-

нимают новые акты, ужесточившие ответственность граждан, совершивших преступные действия в сфере печати и книгоиздания, вплоть до уголовной ответственности или увеличения денежного взыскания до тысячи рублей, если нарушение было совершено повторно. Кроме того, суду позволялось вынести постановление о временном закрытии типографии и лишении совершившего нарушение гражданина права содержать типографию. Вместе с тем 20 марта 1911 г. был принят российский закон «Об авторском праве» и Положение об авторском праве.

Однако установленные права и свободы действовали, к сожалению, недолго и были ограничены введением военной цензуры в годы Первой мировой войны на основании принятия «Временного положения о военной цензуре», введенного 20 июля 1914 г.

Конец монархической формы правления в феврале 1917 г. позволил установить свободу печати. В Постановлении Временного правительства «О печати» (27 апреля 1917 г.) было объявлено о свободе печати и торговли произведениями печати. Каждый желающий выпускать периодическое издание или учредить типографию должен был лишь уведомить, написав соответствующее заявление местному представителю Временного правительства или лицу, его заменяющему. За нарушение установленных правил виновный подвергался денежному взысканию не свыше 300 рублей. Таким образом, Временное правительство установило уведомительный характер при реализации права граждан на свободу печати. Этим же постановлением было упразднено Главное управление по делам печати, имевшее комитеты во всех губернских городах России. Таким образом, цензура была упразднена. Обязанности по регистрации всей текущей печати, а также типографий и других подобных организаций, были возложены на Книжную палату. Интересно то, что Временное правитель-

ство оставило в своем ведении Петроградское телеграфное агентство и стало выпускать издание «Вестник Временного правительства».

Свобода печати просуществовала в России недолго. Уже в конце августа 1917 г. Временное правительство ввело новые «Временные правила о специальной военной цензуре» и положение «О военной цензуре печати». В соответствии с новыми правилами каждому периодическому и непериодическому изданию вменялось в обязанность представлять экземпляры продукции военной цензурной комиссии. В это время были закрыты большевистские газеты [6, с. 366].

Всего несколько месяцев российская печать действовала свободно. На смену ей уже в конце 1917 г., в связи с приходом к власти большевиков, пришел новый идеологический и политический диктат — диктат советской власти, продолжавшийся вплоть до 1990 г.

Как видим, в дореволюционной России в истории развития печати были периоды, характеризовавшиеся некоторой либеральностью верховной власти в проводимой информационной политике (время царствования Александра II, революционные события 1905–1906 гг. и новая революционная ситуация 1917 г.). Но, как отмечают некоторые исследователи, в периоды ужесточения давления государства на прессу «культура достигала невероятных высот, а периоды относительных свобод порождали в обществе угнетение и упадок» [5, с. 7]. Одним словом, экстремальные политико-идеологические условия могут служить некоей питательной средой для духовной культуры. К примеру, при «жестком» императоре Николае I наблюдался взлет в русской литературе, отмеченный творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя [11, с. 337]. В русской музыкальной культуре в это время творили величайшие композиторы Глинка, Верстовский, Даргомыжский.

При тотальной цензуре сталинского периода в истории СССР творили такие корифеи литературы, как Ахматова, Булгаков, Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Шолохов. В музыкальном мире проявился в это время талант Шостаковича, Глиэра. Это говорит о том, что культура имеет свои мощные духовные корни, потенциал развития.

Кому служили советские СМИ?

Захватив власть, большевики приняли экстренные меры, издав Декрет о печати (27. 10. 1917 г.) и на его основании закрыв все издания, которые комментировали приход большевиков к власти как переворот и призывали население к неподчинению и сопротивлению новому рабоче-крестьянскому правительству. Такого рода газеты прекратили свое существование, а типографии переданы большевистским органам. Правда, большевики назвали эти меры временными и пообещали, что, «как только новый порядок упрочится — всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [3, с. 57–58]. На основании Декрета о печати за период с октября 1917 г. по июнь 1918 г. вынуждены были прекратить свое существование около 470 оппозиционных газет. Свое обещание об установлении в ближайшем будущем свободы для деятельности печати большевики так и не выполнили, ужесточив санкции (вплоть до расстрела) против тех издателей и журналистов, что не поддерживали политику новой власти.

В 1919 г. в Москве при Наркомпросе РСФСР было учреждено Государственное издательство (Госиздат), централизовавшее цензуру в стране. Политика в области печати была направлена на устранение инакомыслия и установление господствующих идей одной политической силы — РКП(б),

затем ВКП (б) и КПСС. В 1922 г. создание цензурного органа в стране было завершено с организацией Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит). К цензуре государственной (занимавшейся выдачей разрешений на издательскую деятельность и публикацию произведений, охранявшей государственные тайны от распространения) добавилась цензура партийная. Именно КПСС отвела себе роль главного управляющего органа, определявшего задачи, функции и характер деятельности печатной прессы, а затем телевидения и радио. Главная задача партийной цензуры была следующей: не допустить информирования советского общества об идеях, артикулировавшихся в общественном сознании других стран.

СМИ были встроены в систему государственной пропаганды и агитации. Можно сказать, что они находились на службе у государства, которое использовало СМИ в качестве инструментов прямого воздействия на общество. Государство транслировало через этот канал свою волю, свои установки, свое понимание происходящих событий, которые зачастую само же и инспирировало. Конечно, это был односторонний канал воздействия: сверху — вниз. Никого тогда не могли обмануть публиковавшиеся в газетах письма трудящихся в качестве элементов обратной связи. Все понимали, что они подобраны и пропущены через сито самоцензуры самих журналистов, руководителей СМИ, но прежде всего — через сито государственной цензуры. Вот как характеризует свою деятельность в те годы известная журналистка, сотрудник «Известий» Э. М. Максимова: «Как же много определялось внутренним самоограничением, цензурой!.. Потому что потом меня вызывал Гребнев, заместитель главного редактора, и спрашивал: "А где партия? Где цитаты?" — главная присказка на мой счет. Так что дважды — сначала, когда писала,

потом, когда "объяснялась" — думала, как это воспримут» [9, с. 83].

Да, СМИ того времени были полностью зависимы от государства, являясь его идеологическим инструментом.

(Кстати говоря, деятельность СМИ именно в такой роли и таком качестве понималась руководителями главных, национальных СМИ уже и в так называемые перестроечные годы, самым главным достижением которых стали процессы развития гласности. Вот что писала, к примеру, газета «Правда» (№ 2 от 2. 01. 90г.) пером своего главного редактора Ивана Фролова: «Основной деятельностью нашего журналистского коллектива будет партийность, которая нерасторжима для нас с объективностью, правдивостью и точностью печатного слова...» [12]. Хотя этот же автор понимал, что «правды — не дозированной, но и не рекламно-крикливой — вот чего ждут от нас читатели...». Крупный руководитель печатного органа ЦК КПСС, каким была тогда эта газета, разрывался между устаревшими партийными догмами и новыми общественными реалиями, которые не могли не отражаться на его мировоззрении.)

Но, по крайней мере, деятельность СМИ в качестве зависимого от государственных и партийных органов средства воздействия на население была открытой, явной и к тому же очень эффективной. Потому что сама журналистика и была общественным мнением. Конечно, было общественное мнение, формировавшееся и звучавшее на кухнях и в курилках. Но шансов у него пробиться в печать или в электронные СМИ не было никаких. Государственные СМИ формировали официальное, «витринное» общественное мнение.

Главное отличие советской политической цензуры заключалось «в отсутствии законности и, отсюда, в полной безнаказанности, таинственности и размытости допустимых норм. Это приводило к тому, что любое произведение могло быть объявлено идеологи-

чески вредным на основании тенденциозно сфабрикованных мотивировок» [2, с. 19]. И такие кампании, целью проведения которых было развенчание «идеологически вредных» авторов и их произведений, проводились в СССР неоднократно. Советская политическая цензура активно вмешивалась в творческий процесс журналистов, рекомендовала, как и о чем нужно писать, контролировала деятельность средств массовой информации. В то же время во всеуслышание говорилось, что в СССР цензуры не существует, действует свобода слова и печати. Хотя при Совете Министров СССР действовало Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), осуществлявшее предварительную цензуру всех материалов печатных и электронных СМИ.

Знало ли руководство СССР о настроениях граждан, инициировало ли исследование по изучению читательской аудитории хотя бы центральных газет? Пожалуй, руководители страны были уверены в большой эффективности социалистической прессы, потому что инициатива проведения социологических исследований шла снизу.

В 1960 г. в газете «Комсомольская правда» по инициативе самой редакции был открыт отдел, который получил название Институт общественного мнения. Его возглавил уже довольно известный тогда философ Борис Грушин. Отдел просуществовал почти 8 лет (до конца 1967 г.), провел 27 опросов, в том числе один международный и двадцать всесоюзных, используя большие для того времени технические, финансовые и административные возможности популярной молодежной газеты, которой необходимо было знать своего читателя, осуществлять с ним «обратную связь». «Использование результатов опросов резко усиливало пропагандистский потенциал газеты, поскольку теперь пропаганда "подавалась" уже не голословно — с помощью одной лишь словесной эквилибристики и логики, — но... во впечатляющей упаковке

"объективной цифири", полученной "научным путем"» [9, с. 50].

В 1966 г. редакция газеты «Известия» обратилась к социологам с просьбой о проведении всесоюзного исследования читателей газеты. Позднее исследование читательской аудитории было проведено и по другим центральным газетам — «Правда», «Литературная газета», «Труд». Как вспоминал затем руководитель исследования В. А. Шляпентох, руководители газет были очень удивлены, когда познакомились с результатами работы социологов. «В каждой редакции были уверены, что их читают вся страна и все группы населения... В газете "Труд", например, очень удивились, что их читатели — прежде всего люди с образованием ниже среднего. Не хотели этому верить. Им это было неприятно. Здесь думали, что "Труд" — не менее интеллигентная газета, чем, скажем, «Известия»... В «Правде» были менее удивлены своим читательским составом. Их подписчики — члены партии, партийные работники, тем более что в значительной мере на "Правду" была принудительная подписка и никаких ограничений — в отличие от "Известий" и "Литературки". Я лучше, чем кто-либо в стране, знал, что думают советские люди. Так получилось. И я ни разу, никогда не был приглашен в Центральный Комитет с каким-нибудь докладом. Меня... никто не считал нужным выслушать» [9, с. 112–113]. Существовавший режим был уверен в своей силе и не хотел, по-видимому, даже думать, что идеологическое воздействие с помощью прессы может быть неэффективным. А между тем результаты социологических исследований уже в 1960-е гг. показывали, что действие партийной идеологии — не всеобъемлюще. «В эпоху Хрущева, должен я сказать, влияние... прессы... было грандиозным, но далеко не беспредельным, потому что в обществе существовали многие сегменты, которые

избежали зависимости от идеологических построений» [9, с. 57–59].

Как относились к своей деятельности сами журналисты, какую роль они отводили прессе? Вот как, к примеру, охарактеризовал значение советской прессы Е. Т. Гайдар, работавший некоторое время в журнале «Коммунист» и газете «Правда»: «...как дополнительный сигнальный элемент при власти, который в рамках дозволенного указывает на ее слабые места и разъясняет позицию власти обществу» [9, с. 304].

В конце 1980-х гг. в СССР начались важные и серьезные перемены, получившие названия «перестройки» и «гласности». Средства массовой информации обрели возможность постепенно сбросить с себя путы идеологической зависимости. Более того, СМИ превратились не только в средство контроля общества за деятельностью власти, но и в духовных общественных лидеров, занимавших в жизни общества настолько важное место, что отдельные журналисты, став невероятно популярными, превратились во влиятельных общественных деятелей: В. Коротич, О. Лацис, Е. Яковлев, О. Попцов, И. Лаптев. А ведущие популяр-

ных телевизионных программ, таких как «Взгляд» (В. Листьев, А. Любимов, Д. Захаров, А. Политковский), «600 секунд» (А. Невзоров), «Пятое колесо» (Б. Куркова), вообще стали народными кумирами, и почти все из названных на основе народной симпатии легко были избраны в состав Верховного Совета СССР. Кстати, показателем того, что СМИ владели умами и сердцами граждан, были фантастически огромные тиражи газет: «Аргументы и факты» — 33 млн экземпляров — рекорд, отмеченный в книге рекордов Гиннеса; «Комсомольская правда» — 17 млн; «Труд» — 15 млн; «Известия» — 12 млн; «Советская Россия» — 8 млн экземпляров. Многомиллионные тиражи были и у общественно-политических и у литературных журналов, таких как «Огонек», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Дружба народов» и т. д. [15].

Набравшие силу процессы гласности увенчались принятием в 1990 г. советского, а в 1991 г. — российского «Закона о СМИ», в которых были закреплены права и свободы в деятельности СМИ и которые отменили предварительную цензуру и упразднили Главлит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власть и пресса в России: К истории правового регулирования отношений (1700–1917): Хрестоматия. — М.: Изд-во РАГС, 1999.
2. Горяева Т. М. Советская политическая цензура / Исключить всякие упоминания. — Минск, 1995.
3. Декрет о печати // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сб. док. и мат. — М.: 1972.
4. Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917). — М., 2000.
5. История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т. М. Горяева. — М., 1997.
6. Коновченко С. В., Киселев А. Г. Информационная политика в России: Монография. — М.: РАГС, 2004.
7. Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Соч.: В 3 т. Т. 3. — М., 1988.
8. Мильтон Дж. Речь о свободе печати. — СПб., 1906.
9. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. — М.: Изд-во Московской школы политических исследований, 2000.
10. Радзинский Э. Наполеон: жизнь после смерти. — М.: Вагриус. 2003.
11. Робеспьер М. Речь о свободе печати. — М., 1906.
12. Слово к читателю // Правда. № 2 от 2.01.90.
13. Соколовский В. М. Современное общество: поиски самокоррекции // Прикладная психология и психоанализ. 1998. № 4.
14. Харламов В. И. Книга. Библиотека. Культура. — М., 1998.

15. www.rg.ru/Anons/ark_2000/1025/1.shtm

REFERENCES

1. Vlast' i pressa v Rossii: K istorii pravovogo regulirovanija odnoszenij (1700–1917): Hrestomatija. — M.: Izd-vo RAGS, 1999.
2. Gorjaeva T. M. Sovetskaja politicheskaja cenzura. /Iskljuchit' vsjakie upominanija. — Minsk, 1995.
3. Dekret o pečati //O partijnoj i sovetskoj pečati, radiovewanii i televidenii /Sb. dok. i mat. — M.: 1972.
4. Esin B. I. Istorija russkoj zhurnalistiki (1703–1917). — M., 2000.
5. Istorija sovetskoj politicheskoi cenzury. Dokumenty i kommentarii / Sost. T. M. Gorjaeva. — M., 1997.
6. Konovchenko S. V., Kiselev A. G. Informacionnaja politika v Rossii. Monografija. — M.: RAGS, 2004.
7. Lokk Dzh. Opyt o veroterpimosti // Soch.: V 3 t. T. 3. — M., 1988.
8. Mil'ton Dzh. Rech' o svobode pečati. — SPb., 1906.
9. Pressa v obwestve (1959–2000). Ocenki zhurnalistov i sociologov. Dokumenty. — M.: Izd-vo Moskovskoj shkoly politicheskikh issledovanij, 2000.
10. Radzinskij JE. Napoleon: zhizn' posle smerti. Moskva: Vagrius. 2003.
11. Robesp'er M. Rech' o svobode pečati. — M., 1906.
12. Slovo k chitatelju. // Pravda. № 2 ot 2.01.90.
13. Sokolovskij V. M. Sovremennoe obwestvo: poiski samokorrekcii // Prikladnaja psihologija i psihoanaliz. 1998. № 4.
14. Harlamov V. I. Kniga. Biblioteka. Kul'tura. — M., 1998.
15. www.rg.ru/Anons/ark_2000/1025/1.shtm